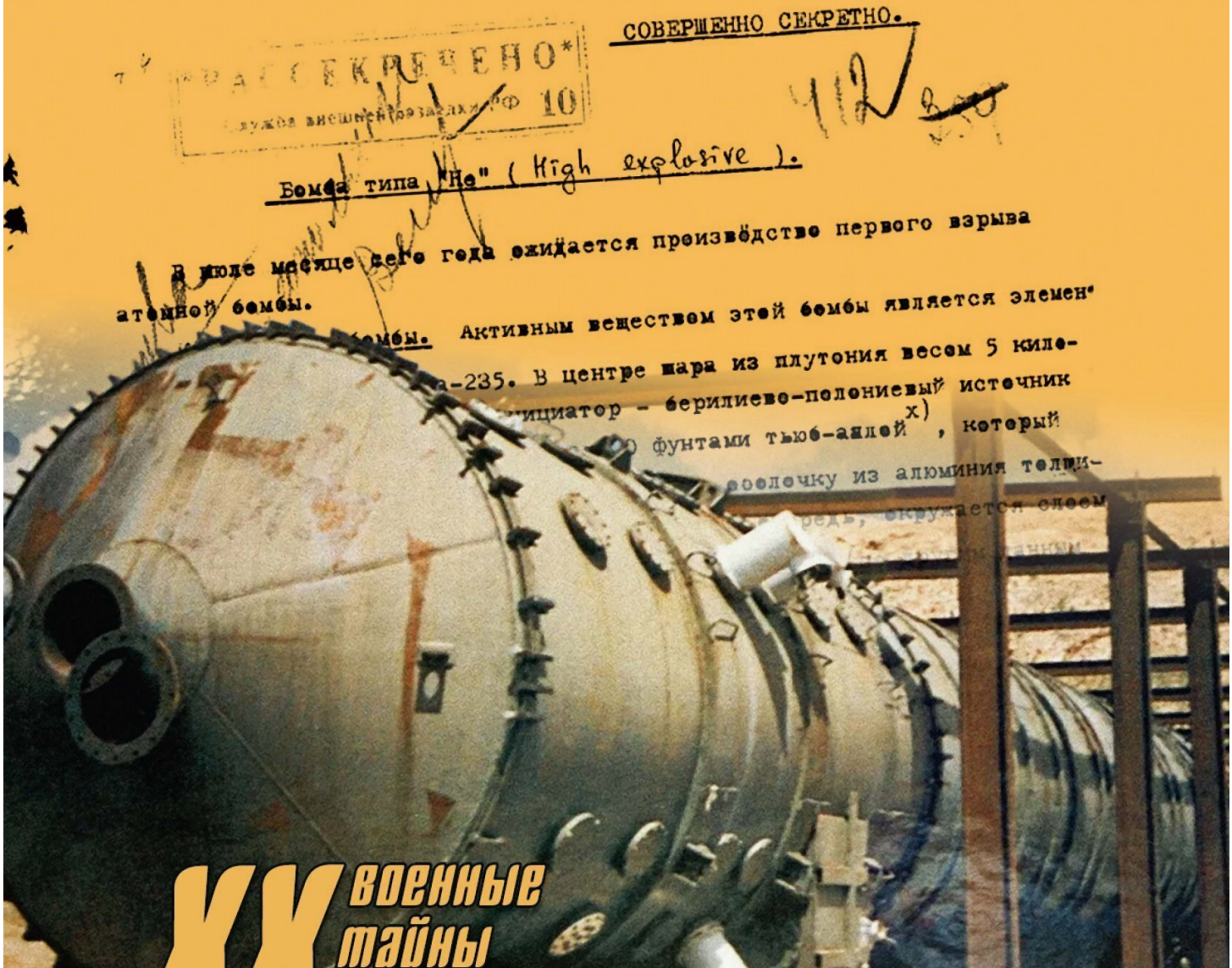
СОВЕТСКИЙ АТОМНЫЙ ПРОЕКТ

1930–1950-е гг.

ХХ военные тайны века

Г.А. КУРЕНКОВ

Военные тайны XX века (Вече)

Геннадий Куренков

Советский атомный проект. 1930-1950-е годы

«ВЕЧЕ»
2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

Куренков Г. А.

Советский атомный проект. 1930-1950-е годы / Г. А. Куренков — «ВЕЧЕ», 2025 — (Военные тайны XX века (Вече))

ISBN 978-5-4484-5394-6

Создание атомного и термоядерного оружия, а также всего, что с этим связано, всегда было в СССР тайной за семью печатями. Обеспечением секретности занимался целый ряд учреждений и комитетов. О том, почему это было необходимо и каким образом осуществлялось на практике, рассказывается в книге Г. А. Куренкова. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-4484-5394-6

© Куренков Г. А., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Введение 6
Возведение стены молчания. 13
Вопросы обеспечения секретности по атомной тематике на Западе и в СССР 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Г.А. Куренков
Советский атомный проект. 1930—1950-е годы

© Куренков Г.А., 2025
© ООО «Издательство «Вече», 2025

* * *

Посвящается 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

Введение

История создания в Советском Союзе ядерного оружия – атомный проект – до второй половины 1990-х годов была скрыта почти стопроцентной завесой секретности. Оно и понятно, ведь речь шла о самом наукоемком, высокотехнологичном и в то же время самом смертоносном и страшном изобретении человека.

В настоящее время ядерным оружием обладают десять государств. Больше всего информации о том, как оно появилось в СССР, США, Великобритании, меньше – во Франции. Не видно исследований, посвященных этой сфере, в Китае, Индии, Пакистане, Израиле, ЮАР и Северной Корее. На подходе к вступлению в «атомный клуб» еще несколько стран, есть и имеющие возможности для создания такого оружия. Оно продолжает модернизироваться: увеличивается мощность, уменьшаются габариты и масса, совершенствуются средства их доставки к цели и средства управления.

До сих пор сведениями наивысшей секретности остается то, что касается фактически всех направлений деятельности, связанной с исследованиями в области атома, созданием ядерного, а затем и термоядерного оружия, потенциалов науки, промышленности, техники, организационного и кадрового обеспечения.

Непременное условие реализации всех атомных проектов – соблюдение и обеспечение режима секретности и контрразведывательной деятельности.

Первоначально сам факт работы по атомной тематике и тем более создания и разработки всеми странами атомного оружия, был за семью печатями до момента его практического применения в США (Хиросима, Нагасаки в 1945 г.) или испытания (СССР в 1949 г.). Общеизвестно, что над изучением атома и своими проектами в довоенное, военное и первое послевоенное время работали, кроме США и СССР, Германия, Великобритания, Франция. В первую очередь не стоит сбрасывать со счетов проводимые в этом направлении работы в Германии. До самого военного поражения в 1945 году германская наука стремилась создать атомное оружие. Это послужило главным стимулом, к примеру, для американцев и англичан.

Атомная тематика, несмотря на ее секретность, к настоящему времени уже имеет свою историографию. Основным источником информации по данной теме послужили директивные документы (постановления, распоряжения, приказы и др.) высших государственных и партийных органов и ведомств. Источниковая база данной монографии представлена опубликованными и неопубликованными документами. Это изданные Минатомом РФ в открытой печати 3 тома из 12 книг (более 3 тыс. документов), под общим названием «Атомный проект СССР. Документы и материалы» за 1938–1956 гг. В сборниках приведены документы и материалы Государственного комитета обороны, Совета народных комиссаров – Совета Министров СССР, Секретариата и Политбюро ЦК ВКП(б), Президиума ЦК КПССС и его Бюро, Академии наук СССР, Спецкомитета, Первого главного управления, документы Разведуправления Генштаба Красной армии и НКВД (НКГБ) СССР, различных организаций СССР и ученых, участвовавших в решении задачи по созданию ядерного оружия. Конкретно в данной книге были использованы следующие издания: Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. 1998–2010. М.: Наука; Физматлит, 1998. Т. 1. Ч. 1; Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. 1998–2010. М.: Изд-во МФТИ, 2002. Т. 1. Ч. 2; Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. 1998–2010. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 1. Министерство Российской Федерации по атомной энергии, 1999; Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. 1998–2010. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 2. Министерство Российской Федерации по атомной энергии, 2000; Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. 1998–2010. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн.

3. Министерство Российской Федерации по атомной энергии, 2002; Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. 1998–2010. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 4. Министерство Российской Федерации по атомной энергии, 2003; Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. 1998–2010. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 5. Федеральное агентство по атомной энергии, 2005; Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. 1998–2010. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 6. Федеральное агентство по атомной энергии, 2006; Атомный проект СССР. Документы и материалы. В Т. 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. III. Водородная бомба. 1945–1956. Кн. 1. / Государственная корпорация по атом. энергии; отв. сост. Г. А. Гончаров. Саров: РФЯЦ – ВНИИЭФ; М.: Физматлит, 2008. Также в представленной работе были использованы документы фонда ГКО СССР, ЦК КПСС, Политбюро ЦК ВКП(б), И. В. Сталина и др. Российского государственного архива социально-политической истории и неопубликованные документы Главного управления по делам литературы и издательств (Далее – Главлит) и Уполномоченного Совета Народных Комисаров (Совета Министров) СССР (далее – Уполномоченный СМ СССР) по защите военной и государственной тайн в печати из Государственного архива Российской Федерации: постановления Совмина СССР по вопросам цензуры за 1946 гг.; приказы, циркуляры, сводные указания, распоряжения Уполномоченного СНК СССР по вопросам цензуры за 1944 гг., 1946–1947 г., 1949–1952 гг.; распоряжения Уполномоченного СНК СССР по вопросам цензуры за 1947 г.; отчет о работе Управления уполномоченного за 1947 и I кв. 1948 г.; отчет о работе отделов и др. за 1948 год; сводные материалы за 1948 г.; представления, проекты, вынесенные в Совет Министров СССР по вопросам работы органов цензуры и материалы к ним за 1947 г., докладные записки и заключения цензоров за 1947 г.; переписка Уполномоченного с ЦК ВКП(б), секретарями ЦК ВКП(б), ЦК ВКП(б) об изъятии литературы, нарушений, разрешении изданий газет и журналов за 1946 г.; переписка Уполномоченного СНК СССР с Советом Министров СССР и другими высшими правительственными органами, а также с главкрайоблитами по вопросам ценуры за 1944, 1946, 1947, 1950, 1951, 1954 гг.; переписка уполномоченного с органами НКГБ – МГБ и НКВД – МВД по вопросам цензуры за 1946–1947 гг.; переписка уполномоченного с различными лицами и учреждениями за 1946 г. Следует отметить, что часть архивных источников до настоящего времени остаются секретными. Это, например, документы, хранящиеся в Архиве Президента РФ, Академии наук СССР, Центральном архиве Росатома, Государственном архиве РФ, Российском государственном архиве социально-политической истории, Российском государственном архиве новейшей истории, ведомственных и местных архивах, что, исходя из темы, вполне оправдано. Это, конечно, влияет на полноту информации и оставляет неосвещенными некоторые моменты. Наличие же секретности в оперативных или технических вопросах не может служить причиной отказа от проведения исторических исследований.

Историография атомного проекта СССР, начиная со второй половины 1990-х годов, достаточно обширна. История советского, как и история американского (Манхэттенского) проекта, до сих пор известна или в контексте изучения общего хода развития работ по атомному проекту, или при изучении развития и функционирования экономических, политических и социальных систем СССР и США, или при освещении истории атомного проекта по конкретным объектам. Но мы вкратце отметим некоторые авторские работы именно по направлению, предложенному в данной работе, – обеспечению секретности и режимности (защите государственной тайны). Необходимо обратить внимание, что в данной работе не рассматривается работа советской разведки по теме «Энормос» в США, Великобритании, имеющей особое значение, требующей отдельного изучения и уже получившей освещение в целом ряде работ и воспоминаний. О роли разведки довольно много написано. Роль разведки в атомном проекте отмечали начальник группы «С» – отдела «С» НКВД – МГБ со 2 февраля 1944 года по

31 мая 1947 года, П. А. Судоплатов[1], представители разведки А. Яцков, В. Чиков, Г. Керн и многие др. Среди исследователей следует отметить работы А. В. Боркова и И. В. Васильева[2], В. В. Кашина[3], А. Б. Максимова[4] и др. О кадровом обеспечении и социальных факторах атомного проекта довольно много написано в монографии[5] и других работах Н. В. Мельниковой. Это направление, как и вся предложенная работа, будет освещено с точки зрения обеспечения секретности и режима охраны государственной тайны, организации доступа и допуска к секретным сведениям и объектам. История и развитие атомного проекта во взаимосвязи с экономической и политической системой Советского Союза освещены в работах Е. Т. Артемова[6]. Непосредственно теме обеспечения режима секретности и режима охраны, защиты государственной тайны посвящены работы В. А. Анохина[7], В. С. Губарева[8], Д. Н. Нарыкова[9], А. М. Сударикова[10], В. С. Толстикова[11] и другие труды. Особо, на наш взгляд, стоит отметить работы В. Н. Кузнецова, в которых освещена деятельность по защите государственной тайны, обеспечению секретности и режиму атомного проекта как в общем, так и отдельных атомных объектов[12], а также других аспектов проекта, таких как, к примеру, поиск немецких материалов, оборудования, сырья, т. е. всех составляющих атомных работ, и конкретно, участие немцев в советском атомном проекте[13]. В книге В. Н. Кузнецова «Немцы в советском атомном проекте», кроме освещения основной темы, также подняты вопросы, касающиеся нашей тематики, такие как роль разведывательных органов и обеспечение режима секретности и сохранения государственной тайны. На сайте «БЕZформата» опубликована статья В. Н. Кузнецова[14], посвященная обеспечению государственной тайны при создании советского ядерного оружия. Хочется отметить следующее. Тема и материал в представленной книге и даже одна из глав во многом совпадают с работами В. Н. Кузнецова. Получилось так, что автор данной работы,

---

[1] *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: Олма-пресс, 1998.

[2] *Борков А. В., Васильев И. В.* Атомная тематика в деятельности советской разведки в 1941–1950 гг. / Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2012, № 3 (1). С. 312–317.

[3] *Кашин В. В.* Урал в жизни руководителя внешней разведки Совестного Союза П. М. Фитина. Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в войнах и вооруженных конфликтах XX века (к 75-летию Великой Победы): материалы XXIII Междунар. науч. конф. (Москва, 5–6 декабря 2019 г.). С. 369–377.

[4] *Максимов А. Б.* Атомная бомба Анатолия Яцкова. М.: Вече, 2017.

[5] *Мельникова Н. В.* Советский атомный проект: опыт кадрового обеспечения / Отв. ред. Е. Т. Артемов. М.: Политическая энциклопедия, 2022.

[6] *Артемов Е. Т.* Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: Политическая энциклопедия, 2017.

[7] *Анохин В. А.* Особенности советской системы обеспечения безопасности производственных ядерных объектов // Вестник Томского государственного университета. № 336. Июль 2010. С. 72–75.

[8] *Губарев В. С.* Секретные академики. Кто сделал СССР сверхдержавой. М.: Вече, 2015.

[9] *Нарыков Д. Н.* Исторический аспект создания в России закрытых административно-территориальных образований // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С. 246–248.

[10] *Сударикова А. М.* Обеспечение охраны выдающихся ученых военно-промышленного комплекса СССР (1945–1955 гг.) // Вестник ЛГУ. Серия: История: Научный журнал. 2008. № 4. С. 122–129.

[11] *Толстиков В. С.* Режим секретности на предприятиях ядерного комплекса Урала (1945–1950 гг.). Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Исторические науки. 2015. Т. 15. № 4. С. 43–46; *Толстиков В. С.* К истории формирования и развития закрытых городов Урала В 40—50-е годы XX века // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 30. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 17. С. 53–56.

[12] *Кузнецов В. Н.* Берия Л. П. – главный герой атомного проекта СССР; *Кузнецов В. Н.* Государственная политика отбора кадров и особенности формирования трудовых коллективов объектов атомной отрасли на Урале; *Кузнецов В. Н.* К вопросу о начальном этапе реализации советского атомного проекта на Урале; *Кузнецов В. Н.* Организационные и научные мероприятия по подготовке к начальному этапу реализации советского атомного проекта в годы Великой Отечественной войны; *Кузнецов В. Н.* Обеспечение государственной тайны при создании советского ядерного оружия: https://moskva.bezformata.com/listnews/obespechenie-gosudarstvennoj-tajni/38522896/?ysclid=l99wwcrhrd826907737; *Кузнецов В. Н.* Обеспечение режима секретности деятельности завода № 817 и др.

[13] *Кузнецов В. Н.* Немцы в советском атомном проекте. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2014.

[14] *Кузнецов В. Н.* Обеспечение государственной тайны при создании советского ядерного оружия: https://moskva.bezformata.com/listnews/obespechenie-gosudarstvennoj-tajni/38522896/?ysclid=l99wwcrhrd826907737.

еще не зная о работах В. Н. Кузнецова, специализируясь на истории защиты государственной тайны в СССР, собирал материал и по защите атомных советских секретов и, написав на 80–90 процентов предлагаемую работу, ознакомился с работами В. Н. Кузнецова, которые, как оказалось, во многом совпадают не только по содержанию, но и по взглядам. Это приятно и полезно, что есть ученые, интересующиеся и специализирующиеся на одной с тобой тематике. Поэтому мы сочли возможным все-таки изложить данный материал не только для того, чтобы не пропал свой труд, но и из-за того, что есть, конечно, и отличия, которые можно заметить в изложениях и интерпретациях. В целом можно отметить, что все авторы, которые в той или иной степени описывают историю изучения атома, атомной энергии и тем более создания атомного оружия, не могут обойти стороной вопросы обеспечения секретности и защиты государственной тайны как неотъемлемой составляющей атомных проектов.

По нашей тематике следует отметить книги зарубежных авторов, в первую очередь – непосредственных участников реализации атомных проектов в своих странах, так как, кроме них, по определению, такой информацией больше никто обладать не мог. Это первая книга об атомном проекте вообще – отчет американского профессора Г. Д. Смита «Атомная энергия для военных целей». Профессор Г. Д. Смит был участником Манхэттенского проекта. Как свидетельствуют документы, она без преувеличения имела большое научное и практическое значение и для советских атомщиков и очень им помогла. Следует удивляться американской цензуре и службе безопасности американского атомного проекта, пропустившим данное издание в свет. На наш взгляд, это был или их явный прокол, или следствие уверенности в том, что, кроме США, в то время не было другой страны в мире, которая была способна решить задачу овладения атомной энергией, или недооценки советских возможностей. Книга была издана военным министерством США в августе 1945 года, сразу после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Она содержит сведения научно-технического характера, поэтому ее называют еще официальным отчетом, – это первое разрешенное открытое издание, в котором содержится научная информация об успешном решении американскими учеными и инженерами проблемы создания ядерного оружия. Среди работ по обеспечению и организации секретности и режиму по американскому проекту наиболее известна работа Л. Гровса[15]. В 1946 году немецкий физик, ведущий теоретик германской атомной программы Вернер Гейзенберг написал статью «О работах по техническому использованию энергии атомного ядра в Германии». Данная работа была написана под впечатлением книги Г. Д. Смита, где отмечены результаты работы германских ученых. Также по немецкому проекту наиболее известна работа Дж. Ирвинга[16]. О роли британских ученых говорится в книге английского ученого-атомщика Роберта Кларка «Рождение бомбы». Так, в предисловии к русскому изданию сказано: «Английское издание книги Р. Кларка “Рождение бомбы” на титульном листе имеет подзаголовок “Неизвестная широкой публике история британского участия в создании оружия, изменившего мир”»[17]. В книге английского радиохимика, лауреата Нобелевской премии Фредерика Содди «История атомной энергии»[18] также подчеркивается роль ученых Великобритании в реализации Манхэттенского проекта. В общем, вопросы обеспечения секретности звучат во всех работах. Постепенно идет процесс рассекречивания, при котором открываются все новые факты и документы. Но следует отметить, что рассекречивание нисколько не касается современных оперативных научных сведений, технологических процессов и организационных моментов. В целом имеющаяся источниковая база, конечно, имеет свою специфику, и

[15] *Гровс Л.* Теперь об этом можно рассказать / Сокр. пер. с англ. О. П. Бегучева; предисл. и ред. канд. воен. наук В. В. Ларионова. М.: Атомиздат, 1964.

[16] *Ирвинг Джон.* Ядерное оружие Третьего рейха. Немецкие физики на службе гитлеровской Германии / Пер. А. Л. Андреева. М.: Центрполиграф, 2022.

[17] *Кларк Р. У.* Рождение бомбы / Сокр. пер. с англ. В. Н. Дурнева. М.: Госатомиздат, 1962.

[18] *Содди Ф.* История атомной энергии. Пер. с англ / Под ред. А. Н. Кривомазова, Д. Н. Трифонова. М.: Атомиздат, 1979.

надо думать, что определенные архивные материалы недоступны исследователям, но рассекреченной части вполне достаточно для проведения исторической реконструкции по заданной теме.

В советской терминологии слово «специальный» в контексте функционирования органов власти и управления, как в исторической, так и в современной плоскости, обозначает особый и (или) секретный характер деятельности или структур, ведущих секретную работу. Он появился ранее, и это не обязательно связано с атомным проектом. Так, примеру, в организациях, еще до атомного проекта, существовали режимно-секретные подразделения по защите государственной тайны, носившие названия «спецчасть», «спецсектор», «спецгруппа», выполнялись «спецработы» на предприятиях, лабораториях и организациях, изготовлялись «спецпродукция» и «специзделия» и т. д. Секретные работы и термины регламентировались и прописывались в общегосударственных секретных инструкциях и правилах. Таким образом, это было общепринятое обозначение, связанное с секретностью. Так, к примеру, 2 января 1940 года постановлением СНК СССР была утверждена «Инструкция по ведению секретных и мобилизационных работ и делопроизводства в учреждениях и на предприятиях». Данный общегосударственной документ регламентировал комплекс работ по соблюдению режима секретности и работе с секретными документами в учреждениях и на предприятиях. В инструкции были определены: порядок разработки перечня сведений, подлежащих засекречиванию, и порядок установления и изменения грифа секретности, классификация сведений по степени секретности; функции 7-го отдела УГБ; функции и ответственность руководителей учреждений за соблюдение режима секретности; названия секретных органов, порядок их создания и ликвидации; основные задачи секретных органов; требования к работникам, допущенным к секретной информации; порядок оформления допусков к секретным работам и документам; требования по ограничению допуска к секретной информации; порядок ведения секретного делопроизводства и работы с документами в секретных библиотеках и архивах; порядок обращения с шифротелеграммами в учреждениях, не имеющих шифровальных органов; порядок хранения секретных и мобилизационных документов; порядок учета, хранения спецпродукции и обращения с ней; требования к производству кино- и фотосъемки; порядок проведения секретных заседаний. Незадолго до Великой Отечественной войны, 28 июня 1940 года, в ЦК ВКП(б) была утверждена инструкция о постановке секретного делопроизводства в обкомах, крайкомах и ЦК партии республик. Эта инструкция касалась, в основном, секретно-мобилизационной работы. Подобные инструкции были обязательны для исполнения всеми ведомствами и организациями, в том числе и вновь создаваемыми.

В представленной монографии термин «спецвопросы» обозначает деятельность по обеспечению секретности сведений и мероприятий, защиту государственной и военной тайны, разведывательную и контрразведывательную деятельность, установление особого режима охраны и функционирования объектов, охрану лиц (секретоносителей), деятельность на закрытых объектах или по закрытой тематике, вопросы оперативной деятельности, обеспечение конфиденциальности и ограничение информации, обеспечение доступа к секретным объектам и сведениям и в связи с этим в определенной степени ограничение прав и свобод, компенсационные и поощрительные меры и мероприятия, организационное, административное, кадровое, политмассовое и идеологическое обеспечение атомного проекта. В данном случае рассматриваются вопросы совещаний Спецкомитета и соответствующих комиссий, их постановления и решения, ход и результаты их выполнения и другие сведения, а также кадры, почти весь комплекс практических работ, организации и учреждения, научно-исследовательские институты, лаборатории и группы и т. д.; счета, продукция, приборы, установки и оборудование, здания и сооружения, охрана, литература. Недаром главный межведомственный орган проекта получил название «Спецкомитет», а также «спецобъекты», «спецработы» и т. д. Обеспечение секретности входит в систему защиты государственной тайны, обеспечения информационной и госу-

дарственной безопасности, суверенитета страны в целом. Непосредственно создание атомной бомбы именовалось в документообороте «проблемой № 1».

Объектом данного исследования является исторический феномен – создание атомной индустрии и атомного оружия. Предметом исследования является процесс организации и функционирования системы обеспечения секретности и режимности в советском атомном проекте в целом и на объектах атомной отрасли, а также некоторые специфические мероприятия и аспекты его осуществления в рамках атомного проекта как комплекса взаимосвязанных мероприятий по защите государственной тайны. Вышеперечисленное объясняет выбор темы представленной книги. В ней с точки зрения защиты государственной тайны реконструируется и на базе имеющихся доступных в настоящее время открытых сведений по возможности анализируется практика защиты информации, объектов и субъектов защиты (секретоносителей) при реализации советского атомного проекта как исторического феномена. Все это определяет хронологию работы. В качестве нижней границы выбран конец 1930-х годов, когда пришло осознание возможности использовать атомную энергию в военных целях как взрывчатое вещество и в связи с этим засекретить информацию на данную тему. Верхняя граница определяется концом 1950-х годов, когда атомное оружие стало реальностью и засекречивался не сам факт его наличия, а арсенал, потенциал и оперативная информация, связанная с ним. Естественно, эти изменения происходили не одномоментно, а процесс носил динамичный характер.

В порядке раскрытия динамики процесса сначала автором даны краткая предыстория защиты «атомных секретов» и некоторые аспекты и моменты решения этой проблемы за рубежом. Эти события предваряют появление советского атомного проекта и соответственно организацию его защиты и позволяют лучше понять специфику изложенной темы.

Целью работы является исследование путей и методов, механизмов реализации защиты «атомных секретов» в Советском Союзе во взаимосвязи с решением основной задачи атомного проекта (создание атомного оружия и средств его воспроизводства – атомной промышленности) с международным положением, внутренней и внешней политикой страны, направления деятельности, процесс формирования и эволюции системы защиты государственной тайны (обеспечение секретности и режима) атомного проекта и в целом по стране, организации работы, а также реализация некоторых специальных направлений деятельности и стоявших задач, которые приходилось решать; организация и проведение мероприятий в данной сфере, а также рассмотрение «человеческого фактора» атомного проекта с точки зрения защиты государственной тайны.

Обсуждение данного вопроса в настоящее время стало возможным благодаря наличию, выявлению и вводу в научный оборот рассекреченных архивных документов и разработке отдельных компонентов темы. Это определило постановку и решение исследовательских задач и напрямую связано с реалиями времени и важностью защиты государственной тайны в современном обществе, когда объективный анализ прошлого имеет большое практическое значение. Ввиду своей специфики тема исследования фактически остается предметом изучения, в основном, специалистами в этой области. Данная работа есть попытка объединить историческое и специальные направления исследования заявленной темы в целом.

Совокупность отмеченных обстоятельств повлияла на задачи и структуру предпринятого исследования. Исходя из цели, в предлагаемой работе ставятся задачи:

– выявить этапы засекречивания (умалчивания) вопросов атомной энергии в мире и установление системы защиты государственной тайны советского атомного проекта;

– показать уровень и механизм принятия решений по вопросам защиты информации по атомному проекту;

– реконструировать картину организации и систему защиты государственной тайны (секретности и режима) советского атомного проекта;

– обозначить структуры и лиц, проводивших и отвечавших за данную работу;

– определить характер защищаемой информации, функции, задачи, формы и направления деятельности по защите информации в советском атомном проекте;

– определить угрозы с точки зрения защиты информации (государственной тайны) и адекватность принимаемых мер, исходя из внешней и внутренней политической ситуации;

– показать взаимодействие государственных структур по защите государственной тайны (секретности и режима) советского атомного проекта;

– осветить некоторые специфические мероприятия и направления деятельности в рамках реализации советского атомного проекта.

В целом в данной работе автор постарается осветить, насколько была целесообразна, эффективна и продуктивна система защиты государственной тайны атомного проекта.

Так как тема лежит на стыке исторической науки и специальной дисциплины, в данном случае наиболее перспективным и эффективным с точки зрения исторического исследования представляется междисциплинарный подход, который реализуется в современной исторической науке. Такой синтез позволяет осуществить переход от анализа социально-политических событий, внешней и внутренней политики к анализу структур и процессов, в том числе мотиваций специальных вопросов защиты информации во взаимосвязи с историческими процессами, т. е. исторической реконструкции событий. Научная новизна работы, на наш взгляд, определяется тем, что было, исходя из специфики закрытости темы и документов, проведено, насколько это возможно, комплексное исследование организации и деятельности Советского государства по защите государственной тайны атомного проекта в историческом аспекте. Используя данные материалы, автор не претендовал (и не мог претендовать из-за специфики, закрытости и многозначности аспектов) на то, чтобы ответить на все вопросы, касающиеся предлагаемой темы. В силу этого работа дает общее представление о затронутой проблеме и служит очередным шагом для исследования на основе изученных и новых архивных документов.

Возведение стены молчания. Засекречивание атомной тематики на Западе и в СССР при переходе от теоретического к прикладному использованию атомной энергии

К покорению атома ученые-физики Европы и США подошли практически одновременно. Сначала ни для кого научные открытия в этой области не были секретом. Мало того, ученые делились опытом и знаниями, публиковалось множество научных статей, происходили их обсуждение и апробация. Начали формироваться отечественные школы физиков-ядерщиков. Работа шла на теоретическом уровне. Наука пока не могла предложить прикладное применение этим знаниям. По мере изучения этого феномена открываются все новые свойства и характеристики атомного ядра и атомной энергии. Происходит накопление знаний. Так мир узнает о цепной ядерной реакции в некоторых радиоактивных металлах, в частности уране. С открытием процесса расщепления ядра и деления атомов с освобождением при этом огромного количества энергии к ученым постепенно приходит понимание того, какие силы таятся в невидимом глазу веществах и процессах. Это выделение энергии, которая на порядки превышает химическую энергию взрывчатых веществ и которую каким-то образом можно использовать. И использовать именно как взрывчатое вещество, то есть как оружие огромной разрушительной силы. Об этом задумались ученые-атомщики Европы и Америки. Уже было многое сделано как в научном, так и в организационном плане. И одними из первых были ученые Германии. Они проинформировали об атомной проблеме свои правящие круги. Этим заинтересовалось и военное руководство фашистской Германии, в частности Управление армейского вооружения. Осознав возможную военную перспективу и уже вступив в мировую войну, в сентябре 1939 года в Германии для рассмотрения вопроса о способах решения атомной проблемы Управление армейского вооружения собрало ученых, осведомленных в этой области. На совещании присутствовали доктор Дибнер, профессор П. Хартек, Г. Гейгер, который изобрел счетчик радиоактивного излучения, З. Флюгге, профессор И. Маттаух и видные немецкие физики Э. Багге, В. Боте и Г. Гофман. Позже были приглашены лауреат Нобелевской премии за работы в области квантовой механики В. Гейзенберг, К. фон Вайцзеккер. О существе задачи сообщил один из руководителей управления, председатель совещания Баше. Он сказал, что с учетом полученных из-за рубежа сведений необходимо наметить план производства оружия нового вида. Уже на второй конференции приступили к конкретике. Перед немецкими физиками были поставлены две главные задачи: во-первых, им предстояло разработать процесс получения в больших количествах урана-235. Во-вторых, следовало определить эффективное сечение для всех веществ, которые могли быть использованы в качестве замедлителей для обеспечения реакции при воздействии на урановое топливо медленными нейтронами. Участники совещания согласились с необходимостью решения поставленной перед ними задачи. З. Флюгге кратко изложил содержание своей статьи в «Натурвиссеншафтен», где давался анализ состояния изучения и возможности получения ядерной энергии. Участники этого совещания приняли ориентировочный срок разработки ядерного оружия, установленный Управлением армейского вооружения, в 9—12 месяцев. Осуществление программы было возложено на Физический институт Общества кайзера Вильгельма, Институт физической химии Гамбургского университета, Физический институт Высшей технической школы (Берлин), Физический институт Института медицинских исследований (Гейдельберг), Физико-химический институт Лейпцигского университета и на другие научные учреждения. Вскоре число институтов, занятых основными исследованиями, достигло двадцати двух. Были выделены средства

на размещение заказов в промышленности. Крупнейший концерн «ИГ Фарбениндустри» должен был приступить к производству шестифтористого урана, пригодного для обогащения изотопом 235. Этот же концерн должен был начать сооружение полупромышленной установки по разделению изотопов. Начиная с 20 сентября 1939 г. немецкая атомная программа стала называться «Предварительный рабочий план проведения первоначальных экспериментов в области использования реакции деления атомного ядра», а затем – «Урановый проект». Было принято решение засекретить все работы, имеющие прямое или косвенное отношение к урановой проблеме. С этого момента любые упоминания об «урановой машине» (урановом реакторе) и атомной бомбе были запрещены. Возможно, с этого момента и началась секретная история мирового атомного проекта.

В Англии немецкие физики, эмигранты из Германии, доктор Отто Фриш и Рудольф Пайерлс пришли к выводу, что, если при проведении опыта природный уран заменить чистым ураном-235, при этом добившись превышения некой «критической» массы урана, произойдет взрыв огромной разрушительной силы. По результатам исследований ученые подготовили два меморандума. Первый меморандум представлял собой составленный на трех страницах отчет с рекомендациями по «строительству супербомбы». Ученые предложили использовать в качестве заряда такой бомбы пять килограммов чистого урана-235. Во втором меморандуме, подготовленном одновременно с первым, О. Фриш и Р. Пайерлс доходчиво описали конструкцию урановой бомбы, ее стратегические преимущества и недостатки. Ученые-эмигранты настаивали на сохранении в тайне необходимости выделения урана-235 для создания нового оружия, поскольку, если этот факт станет известен немецким ученым, они быстро сумеют выйти на правильный путь в создании сверхмощной бомбы. В Великобритании образован Урановый комитет (M.A.U.D.). Научной работой английских физиков в области атомной энергии руководил специальный комитет ученых во главе с известным физиком Дж. Томпсоном. Также был создан специальный отдел по руководству работами Директорат Тьюб-Эллойс. 10 апреля 1940 г. состоялось первое, предварительное заседание комитета (Томпсона), созданного для рассмотрения вопроса о том, каким путем можно изготовить ядерное оружие. Был выбран промышленный (диффузионный) метод разделения изотопов, проектируется завод.

Американцы тоже не сидели сложа руки. В США к этому времени уже был создан государственный орган по этому вопросу. Им стал Консультативный комитет по урану. 1 ноября 1939 г. он направил президенту Ф. Рузвельту доклад, представленный Л. Бригсом, К. Адамсоном и Э. Гувером, в котором говорилось о реальной возможности получения как атомной энергии, так и атомной бомбы. В докладе рекомендовалась закупка для измерений поперечного сечения поглощения углерода 4 тонн графита и 50 тонн окиси урана. Физик Л. Сцилард настаивал на том, чтобы все будущие доклады о ходе исследований были строжайшим образом засекречены и запрещены к публикации в общедоступной научной литературе.

В СССР к 1939 году ученые ставят вопрос о физике атомного ядра и строительстве циклотронов. В Академии наук создана комиссия по атомному ядру. Тогда еще не было ясности в вопросах, что такое атомное взрывчатое вещество и как оно может взорваться. «Атомная школа» была, она состояла из отдельных физиков, но не было коллектива ученых, занимающихся конкретной проблемой создания атомного оружия, и тем более на это не намечался отпуск материальных средств и не было промышленного потенциала. 3 октября 1939 г. комиссия по атомному ядру подготовила в Президиум Верховного Совета СССР записку о разработке специальных мероприятий по охране мест хранения радия в научных и медицинских учреждениях[19]. 14 января 1940 года специальная комиссия Академии наук сочла необходимым «в связи обстоятельствами военного времени» строительство специальных подземных хранилищ в Москве, Ленинграде, Киеве и Харькове. Было отмечено, что сосредоточение всех запа-

[19] Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. I. 1938–1945. Ч. 1. М., 1998. С. 77.

сов радия на военное время «в одном месте было бы неправильным», так как это ограничивало бы его использование в медицинских целях и лишило бы возможности «другие учреждения вести очередную научно-техническую работу». Решениями СНК СССР было предусмотрено проектирование и строительство хранилищ. В 1940 году Академпроект разработал типовой проект хранилища, СНК поручил НКВД СССР в 1941 году провести их строительство[20]. Ученые, следившие за научными публикациями именно в этот период, начинают замечать, что из западных научных журналов исчезает даже упоминание работ по урану, а это первый признак, что тема засекречена и ею заинтересовались военные. Советские ученые в те времена свои научные труды по этой теме не очень и скрывали. Недаром академик Виталий Гольданский однажды заметил: «Бытует мнение, что советская разведка настолько хорошо поработала, что физикам практически ничего не осталось, как собрать бомбу по добытым чертежам. Но меня интересует другое: почему нет данных о работе западных разведок»[21].

Уже к 1940 году в Европе и США пришли к выводу, что создать атомную бомбу возможно, и озаботились созданием атомного оружия, шел процесс подготовки к началу работ по реализации задуманного. В принципе уже стало ясно, что для этого необходимо. В апреле 1940 года в США специально для сохранения атомной тайны был создан и цензурный орган. Так, на заседании физического отделения Национального исследовательского совета Г. Брейт предложил образовать цензурный комитет для контроля статей, публикуемых во всех научных американских журналах. Первоначальным мотивом этого предложения было стремление установить контроль над публикацией статей по делению урана. Сформировавшийся несколько позднее Проверочный комитет (при Национальном исследовательском совете) стал общим руководящим органом по проведению издательской политики во всех областях, представлявших военный интерес. Председателем комитета стал Л. П. Эйзенхарт. Членами комитета были: Г. Брейт, В. М. Кларк, Г. Флетчер, Э. Б. Фред, Дж. Б. Пеграм, Г. К. Юри, Л. Х. Уид и Э. Г. Уивер. Были организованы различные подкомитеты, из которых первый должен был заниматься делением урана. Председателем этого подкомитета был Г. Брейт, членами – Дж. В. Бимс, Л. Дж. Бригс, Дж. Б. Пеграм, Г. К. Юри и Э. Вигнер. Редакторы различных журналов должны были представлять копии статей, относящихся к атомной области. В случае сомнений в их допустимости к печати статьи рассылались всем членам подкомитета для обсуждения допустимости их к печати и информировании редакторов о решении. Но произошел более чем курьезный случай, чуть было не раскрывший тайну. 15 июня 1940 года американский журнал «Физикл ревю» опубликовал статью, в которой сообщалось об открытии нового трансуранового элемента – плутония (с номером 94 по Периодической таблице). Статья вызвала возмущение видных британских ученых, считавших, что в военное время публикации подобных материалов должна быть запрещена. И они в какой-то мере были правы: опубликованная статья могла попасть к немцам, к примеру, на глаза Карлу фон Вайцзеккеру. Из статьи следовало, что новый трансурановый элемент можно получить из урана-238. При этом по своим свойствам он куда лучше подходил для создания атомной бомбы, чем природный уран.

США форсируют работу над атомной проблемой, и по инициативе В. Буша и при поддержке президента Ф. Рузвельта 12 июня 1940 года организован Исследовательский комитет национальной обороны (НДРК). Одним из первых действий Национального комитета стало взятие под надзор Консультативного комитета по урану. Ф. Рузвельт дал указание о преобразовании Уранового комитета в подкомитет Исследовательского комитета национальной обороны. В подкомитет вошли в качестве председателя Л. Бриггс (он должен был регулярно отчитываться перед Джеймсом Конентом – президентом Гарвардского университета). В состав также вошли Дж. Б. Пеграм, Г. К. Юри, Дж. В. Бимс, М. Тьюв, Гэн и Г. Брейт. Следует отметить, что

[20] Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. I. 1938–1945. Ч. 1. М., 1998. С. 77.

[21] *Романов П.* Россия и Запад на качелях истории. От Рейхстага до Берлинской стены. СПб., 2016. С. 113.

ученые иностранного происхождения были выведены из его состава, поскольку эта организация была чисто американской и занималась секретными военными проектами, и ее сотрудниками могли быть только граждане США. В результате иностранцев – эмигрантов Э. Ферми, Л. Сциларда, Э. Теллера и Э. Вигнера – отстранили от работы. Это не только осложняло работу, но и могло привести к закрытию проекта, секретные требования исключали работу иностранцев с секретными сведениями и по секретным программам. Также требовалась проверка на благонадежность. Заново начались проверочные мероприятия. К этому делу подключили ФБР. Оно запросило конрразведку, которая занималась иностранцами и собирала по ним информацию. В августе 1940 года донесения контрразведки по проверке ученых отправили в ФБР. Данные, полученные ими, почти повторяли то, что ранее сообщали военные. В донесении военной разведки, к примеру, о Э. Ферми говорилось, что он «вне всякого сомнения, фашист». Л. Сцилард настроен «крайне прогермански». Их рекомендовали отстранить от любых работ, объявленных секретными. Оба донесения ссылались на «полностью достоверные источники». Ирония заключалась в том, что информацией, которую стоило в первую очередь засекретить, владели как раз те ученые, которых власти хотели отстранить от работы. Но рекомендации из донесений военной разведки в полной мере выполнены не были. Помощник президента США Александр Сакс, который протежировал атомный проект и защищал ученых-эмигрантов, требовал, ввиду особой важности работы, сделать исключение. Аргументы Александра Сакса оказались сильнее. Всем четверым физикам-эмигрантам (Э. Ферми, Л. Сциларду, Э. Теллеру и Э. Вигнеру) разрешили участвовать в проекте, правда, не в качестве полноправных членов Национального комитета, а только как консультантам. Также было принято решение ввести строгий контроль над информацией: все документы по исследованиям расщепления ядра урана объявили совершенно секретными.

Следует отметить: и не всегда, мягко говоря, были корректные отношения между США и Великобританией по обмену информацией в военной области, и в частности по атомной тематике. Так, в 1940 году посол Великобритании в США попытался получить доступ к технической секретной информации США. 8 июля 1940 года он отправил на имя президента США Ф. Рузвельта записку, где предлагал организовать обмен секретными техническими сведениями. В этом документе не говорилось об атомной энергии и в основном имелись в виду работы в области радио и радара. Посол заявил, что англичане не собираются торговать своими секретами, но соглашаются передать большинство их США и ожидают, что и США предоставят соответствующие возможности для обсуждения той секретной информации, с которой англичане захотят познакомиться. Записка была рассмотрена американским правительством, одобрена военным и морским министрами и президентом США. Госдепартамент информировал англичан, что США готовы начать переговоры об обмене технической информацией, и даже подтвердил свое согласие с указанными предложениями, но с оговоркой: в той степени, в какой они не будут мешать собственным военным усилиям Соединенных Штатов. Осенью 1940 года английская миссия в США во главе с Генри Тизардом, облеченным полномочиями передавать секретную информацию, касающуюся оружия, прибыла в США для обсуждения хода исследовательских работ в обеих странах. Г. Тизард предложил установить полный обмен любой информацией, относящейся к исследованиям и разработкам нового оружия. Желательность такого соглашения была подтверждена в письмах, которыми обменялись В. Буш, представлявший НДРК, с военным и морским министрами. Глава Манхэттенского проекта Л. Гровс позднее писал, что когда английское правительство направило в США главу всех своих работ по атомной энергии У. Эйкерса, который добивался более обширного обмена информацией, то Л. Гровс «решительно отказал» англичанину. Мотивами отказа, как указывал Гровс, во-первых, было то, что англичане могут использовать расширение обмена информацией в послевоенных условиях; во-вторых, он твердо придерживался мнения, что США не следует выдавать атомные секреты другим странам, если это не поможет выиграть войну. Л. Гровс понял, что

англичане не в состоянии начать крупные атомные исследования или организовать массовое производство урана, пока идет война. В общем, с середины 1940 года в США вся информация о работах с ураном была засекречена.

14 июня 1940 года немцы вошли в Париж. При оккупации Франции они получили в свое распоряжение почти готовый к пуску циклотрон в Париже, в лаборатории Фредерика Жолио-Кюри. Немцы опечатали циклотрон. По одним данным, нацисты несколько раз предлагали французскому ученому сотрудничество, и он отверг все их предложения. Но во время оккупации Жолио-Кюри продолжал руководить лабораторией Коллеж де Франс. В конце июля 1940 года доктор Курт Дибнер, профессор Эрих Шуман и военные немецкие специалисты прибыли в Париж в лабораторию Жолио-Кюри. В его отсутствие несколько офицеров вермахта произвели обыск в лаборатории: они искали уран и тяжелую воду, а также отчеты о результатах исследований. Немцами была создана «парижская группа» под руководством профессора Вольфганга Гентнера. Есть сведения, что они хотели разобрать циклотрон и переправить его в Германию. По другим данным, немецкие ученые участвовали в наладке, пуске и эксплуатации циклотрона, но не проводили на нем секретных исследований по программе Уранового проекта из-за необходимости соблюдения секретности. В самой Германии в июле 1940 года на территории Института биологии и вирусологии имени кайзера Вильгельма, рядом с Институтом физики, началось строительство небольшого деревянного здания, выделенного под новую лабораторию. Для маскировки и соблюдения секретности лаборатория получила название «Вирус-Хаус».

В СССР в июле 1940 г. В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман, В. Г. Хлопин подготовили проект записки на имя заместителя председателя СНК СССР Н. А. Булганина, курировавшего в то время химическую и металлургическую промышленность. Ее заголовок – «О техническом использовании атомной энергии» – говорил сам за себя. По мнению «подписантов», этот вопрос уже назрел, и, чтобы «не отстать… от зарубежных стран», нужно действовать. В качестве первоочередных мер предполагалось форсировать разведку и разработку урановых месторождений, конструирование установок по разделению изотопов урана, проектирование циклотрона Физического института. После доработки в Президиуме АН СССР записка ушла в правительство[22]. Затем сотрудник ЛУН УФТИ АН СССР В. А. Маслов 22 августа 1940 года пишет записку в Академию наук СССР о мерах, необходимых для реализации работ по проблеме урана. В. А. Маслов предложил «по примеру заграницы засекретить работы, связанные с разделением изотопов урана», а также «создать при АН СССР оперативную группу по урановой проблеме с введением в ее состав заинтересованных и могущих быть полезными в этом вопросе ведомств (оборонные организации, учреждения по редким металлам и др.)»[23]. А 17 октября 1940 года группой ученых ХФТИ (В. А. Маслов, В. С. Шпинель, Ф. Ф. Ланге) в виде заявок на изобретение в отдел изобретательства НКО СССР были направлены предложения «Об использовании урана в качестве взрывчатого и отравляющего вещества», «Способ приготовления урановой смеси, обогащенной ураном с массовым числом 235», «Многокамерная центрифуга»[24], «О центрифугировании» и «О термоцентрифугировании». (Решение о признании заявок в качестве изобретений и выдаче авторам не подлежащих оглашению свидетельств об изобретении было принято только в мае 1946 года. Свидетельство было зарегистрировано в бюро изобретений при Госплане СССР за № 6353с.) Как отмечает в своей работе В. Романов: «В заявке вы найдете детальное описание атомной бомбы, принцип ее создания и все о ее поражающих факторах. Иначе говоря, люди, читавшие эту заявку в 1940 году, так и не поняли, что атомная бомба уже изобретена… Когда кандидаты наук отправили письмо маршалу С. Тимошенко, оно попало на стол наркома обороны уже с отрицательной резолю-

[22] *Артемов Е. Т.* Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017. С. 21.

[23] Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. I. 1938–1945. Ч. 1. М., 1998. С. 132–133.

[24] Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. I. 1938–1945. Ч. 1. М., 1998. С. 193–198.

цией ученых, которые позже, кстати, и создали атомную бомбу. Резолюция гласила: «Не подтверждается экспериментальными данными»[25]. И действительно, такие заключения ведущих ученых-физиков были. Ученые в СССР еще не находили практического применения лет на 20–25. Все же они, узнав о ходивших в Западной Европе слухах о работе над сверхмощным оружием, предпринимали первые шаги по выявлению возможности создания атомной бомбы. Однако считали, что создание такого оружия возможно теоретически, но вряд ли осуществимо на практике в ближайшее время. Как пишет Е. Т. Артемов, важную роль сыграла и позиция одного из самых авторитетных ее членов – академика В. И. Вернадского. В самом начале лета 1940 года он познакомился со статьей Э. Лоуренса «Наукой открыт огромный источник атомной энергии», опубликованной в газете «Нью-Йорк таймс». В ней говорилось о том, что получены неопровержимые данные об исключительной взрывной мощи урана-235 и дело теперь лишь за усовершенствованием методов его извлечения. В заключение делался однозначный вывод о том, что это открытие, несомненно, окажет «колоссальное влияние… на ход войны в Европе». Статья произвела на В. И. Вернадского огромное впечатление. Своими впечатлениями он поделился с В. Г. Хлопиным. Затем вместе с А. Е. Ферсманом они обратились в Президиум АН СССР с предложением активизировать работу «по практическому использованию внутриатомной энергии». В итоге Президиумом Академии наук СССР было принято решение по созданию Комиссии по проблеме урана, но А. Ф. Иоффе считал, что в деятельности Комиссии не было должным образом учтено мнение специалистов по атомному ядру… С. И. Вавилов вообще выражал сомнение в целесообразности создания Комиссии по проблеме урана. Комиссия была создана, но никаких практических действий за этим не последовало: отношение к проблеме урана как к сугубо научной области не изменилось[26]. Комиссия Академии наук по изучению проблем атомной энергии под председательством академика В. Г. Хлопина, тем не менее, рекомендовала правительству и научным учреждениям отслеживать научные публикации западных специалистов по этой проблеме, но сами ничего не скрывали. В РИАНе разворачиваются работы по химическому составу осколков, резонансному поглощению нейтронов на уране-238, сечениям захвата нейтронов в замедлителях – водороде, углероде, кислороде, выявлению таких важнейших характеристик, как число вторичных нейтронов, приходящихся на акт деления. Возникает термин «урановый». В СССР 31 декабря 1940 года в «Известиях» была опубликована специальная статья «Уран-235» – о новом источнике энергии, в миллионы раз превосходящем все до того существовавшие.

Именно в 1940 году советская научно-техническая разведка обратила внимание на два факта. С одной стороны, в научных журналах продолжалось полное замалчивание ядерной тематики. В зарубежной периодической печати постепенно исчезают статьи с конкретными сведениями по урану, что явным образом свидетельствовало о военном характере исследований. С другой стороны, по линии разведки стали поступать сведения о повышенном внимании Запада, включая Германию, к проблеме ядерной физики и атомной энергии. Разведка также получала информацию о работах нацистских ученых над созданием «сверхбомбы». Начальник отделения научно-технической разведки НКВД Л. Р. Квасников направил ориентировку резидентурам в Скандинавии, Германии, Англии и США, обязав собирать всю информацию по разработке урановой бомбы. 27 января 1941 года 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР направляет заместителю резидента нью-йоркской резидентуры Г. Б. Овакимяну записку о задачах в области научно-технической разведки и получении сведений о новом веществе – уране-235[27]. Таким образом, единственным надежным источником информации становятся агентурные данные нашей внешней разведки.

---

[25] *Романов П.* Россия и Запад на качелях истории. От Рейхстага до Берлинской стены. СПб., 2016. С. 113.

[26] *Артемов Е. Т.* Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017. С. 19–25.

[27] Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. I. 1938–1945. Ч. 1. М., 1998. С. 223.

Тем временем, в феврале 1941 года, по приглашению англичан американский Национальный комитет по оборонным исследованиям (НДРК) послал делегацию, возглавляемую Дж. Б. Конэнтом, для обмена технической информацией. В соответствии с этим соглашением НДРК передавал техническую информацию непосредственно соответствующим английским министрам. Во время поездки было заключено соглашение, которое определило дальнейшие формы научно-технических связей во время войны. Были разграничены сферы разработок научно-технических проблем. Предусматривалось, что англичане будут в основном разрабатывать проблемы, имеющие непосредственное отношение к обороне своей страны, уже ведущей и ощущающей войну на своей территории, а американцы должны взять на себя в основном разработку проблем далекого будущего. Здесь думается, что американцы имели в виду как раз разработку атомного оружия. Но англичане все же вели и свою атомную игру. Они пока еще готовы были создать собственную атомную бомбу. 3 сентября 1941 года английский Комитет начальников штабов принял решение о выделении средств на развитие проекта по созданию атомной бомбы. Главным администратором проекта стал директор компании «ICI» Уоллас Акерс. Вместе со своим заместителем Майклом Перрином они проходили в документах под кодовым названием «Директорат по сплавам». Англичан, в первую очередь, волновал вопрос, а не создают ли немцы свою атомную бомбу? Деятельность британской разведки была направлена на выявление ученых, потенциально могущих работать над атомной бомбой в Германии. Летом 1941 года профессор Пайерлс и другие физики составили для английской разведки подробный список, куда включили шестнадцать наиболее значительных с их точки зрения имен немецких физиков, в основном из числа сотрудников Общества имени кайзера Вильгельма. Также британские разведывательные службы стали тщательно изучать выходившие в Германии научные журналы и графики лекций. Исходя из этого, можно было определить рабочий распорядок каждого интересовавшего англичан немецкого ученого. Постепенно англичане получили полную картину их деятельности. И действительно, в Германии «именно в сентябре 1941 года, – вспоминал немецкий физик Вернер Гейзенберг, – мы поняли, что атомную бомбу создать можно».

На территории СССР началась Великая Отечественная война, и к осени 1941 года она уже шла полным ходом. В сентябре 1941 года из разных источников получены первые исчерпывающие документальные материалы о работе на Западе над атомной проблемой. Из Лондона поступила информация о возможности появления атомного оружия в фашистской Германии. Лондонской резидентуре также удалось получить первые достоверные материалы о том, что идея создания атомного оружия приобрела реальные очертания и в Великобритании. Так, 25 сентября 1941 года лорд Хенки, сотрудник правительственного Комитета по использованию науки и техники в военных целях, сам того не подозревая, помог советской разведке. Один из его подчиненных принес резиденту советской разведки в Лондоне А. В. Горскому большую пачку документов. Это, как оказалось, был доклад Уранового комитета (M.A.U.D.) английскому правительству о возможности создания атомной бомбы. Сам факт, что документы были получены из аппарата лорда Хенки, говорил об их подлинности и важности. Возможность ловушки здесь была исключена. Руководитель советской резидентуры в Лондоне А. В. Горский (псевдоним «Вадим») передает в Москву сообщения о ходе работ в Англии по разработке урановой бомбы. Разведчик В. Б. Барковский направил в Москву доклад Уранового комитета, ставший первым источником «достоверных сведений о том, что работа над созданием первой атомной бомбы приняла совершенно конкретные очертания». В конце сентября 1941 года от одного из членов «Кембриджской пятерки», Кернкросса, поступила информация о том, что британское правительство рассмотрело вопрос о создании урановой бомбы в течение двух лет. Одновременно сообщалось, что летом того же года состоялось заседание Уранового комитета, обсудившего реальность создания атомной бомбы, и что совещание Комитета начальников штабов приняло рекомендацию о немедленном начале работ в этой области. Из Лондона,

от одного из членов «Кембриджской пятерки», агента внешней разведки Дональда Маклина, также пришел доклад британского Уранового комитета У. Черчиллю. В обширном докладе говорилось о ходе начальных работ по созданию атомной бомбы в Англии и США. Не ранее 25 сентября – не позднее 3 октября 1941 года 1-м управлением НКВД СССР была составлена справка по полученной из Лондона агентурной информации о совещании Комитета по урану, с обсуждением вопросов и с сообщением, что урановая бомба может быть разработана в течение двух лет, а также организации работ по определению критической массы урана, конструировании 20-ступенчатого аппарата и о начале строительства в Англии завода по изготовлению урановых бомб[28]. Из резидентуры в Нью-Йорке в Москву сообщают, что физическое отделение Колумбийского университета проводит работу над ураном-235. Принимая во внимание сообщения от разведки, в СССР в конце 1941 года вновь возвратились к атомной проблеме. В Советском Союзе атомный проект «Уран» возглавил академик И. В. Курчатов, а организация выявления и передачи секретной, достоверной и документальной информации из-за рубежа была поручена ученому-разведчику Л. Р. Квасникову. Разведка госбезопасности разработала комплекс мероприятий по операции, которая в оперативной переписке получила название «Энормоз» (в переводе с английского: «громадный, огромный», «ужасный»). В основе операции лежало агентурное проникновение в ведущие НИИ и производства в США и Англии, занятые разработкой и изготовлением атомной бомбы. После получения необходимых сведений перед внешней разведкой были поставлены следующие задачи по проблеме ядерного оружия:

– определить круг стран, ведущих практические работы по созданию атомного оружия;

– информировать Центр о содержании этих работ;

– через свои агентурные возможности приобретать необходимую научно-техническую информацию, способную облегчить создание подобного оружия в СССР.

Собирать материалы по данной тематике было поручено научно-техническому отделению 5-го англо-американского отдела Центрального аппарата внешней разведки НКВД, образованного 12 августа 1941 года.

В 1942 году советская разведка докладывала по Англии: 1. Верховное военное командование Англии считает принципиально решенным вопрос практического использования атомной энергии урана-235 для военных целей. 2. Урановый комитет английского Военного кабинета разработал предварительную теоретическую часть для проектирования и постройки завода по изготовлению урановых бомб. 3.Усилия и возможности наиболее крупных ученых научно-исследовательских организаций и крупных фирм Англии объединены и направлены на разработку проблемы урана-235, которая особо засекречена. 4. Английский Военный кабинет занимается вопросом организации производства урановых бомб[29].

В 1942 году советское руководство, осознавая важность этого вопроса, приступает к организационным мероприятиям. 28 сентября 1942 года вышло распоряжение Государственного Комитета Обороны № 2352сс «Об организации работ по урану». Оно обязывало Академию наук СССР возобновить, под руководством академика А. Ф. Иоффе, проводившиеся до войны работы по исследованию атомной энергии путем расщепления ядра урана и к 1 апреля 1943 года представить в ГКО доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива. Для этой цели ГКО обязал Президиум Академии наук организовать при Академии наук СССР специальную лабораторию атомного ядра и к 1 января 1943 года в Институте радиологии разработать и изготовить установку для термодиффузионного выделения урана-235, в Институте радиологии и Физико-техническом институте изготовить уран-235 в количествах, необходимых для исследований, и произвести исследования к 1 апреля 1943 года, а также создание

[28] Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. I. 1938–1945. Ч. 1. М., 1998. С. 239–240.

[29] *Романов П.* Россия и Запад на качелях истории. От Рейхстага до Берлинской стены. СПб., 2016. С. 115.

лабораторных установок для разделения изотопов урана и проведения комплекса экспериментальных работ. К 20 октября 1942 года предписывалось сдать технический проект казанскому заводу «Серп и молот» Наркомата тяжелого машиностроения и к 1 января 1943 года изготовить лабораторную установку центрифуги. Наркомату финансов предписали передать 1 грамм радия и 30 граммов платины для проведения работ. Другим наркоматам ГКО обязал отгрузить материалы по запросу Академии наук, а также доставить из Ленинграда 20 килограммов урана и аппаратуру. Наркомат внешней торговли обязали закупить для лаборатории аппаратуру и материалов на 30 тыс. рублей. Распоряжение также обязывало СНК Татарской АССР предоставить Академии наук СССР в Казани помещение площадью 500 м^2 для размещения лаборатории атомного ядра и жилую площадь для 10 научных сотрудников[30]. Не позднее 6 октября 1942 года начальник 1-го управления НКВД СССР П. М. Фитин подготавливает справку по материалу «Использование урана как источника энергии и как взрывчатого вещества». В справке он отмечает, что, по агентурным данным, с 1939 года во Франции, Англии, США и Германии развернулась интенсивная научно-исследовательская работа по разработке методов применения урана для взрывчатых веществ и что эти работы ведутся в условиях большой секретности. Особо он остановился на деятельности Уранового комитета в Англии, запасах урана в Канаде, Бельгийском Конго, в Судетах, Португалии. Также П. М. Фитин отметил исследования французских и английских ученых, особенно по выделению изотопа урана при помощи диффузирующего аппарата, в определении критической массы, сотрудничества английского правительства с английскими и американскими фирмами, планов строительства завода, производства атомных бомб и стоимости проекта, кооперации фирм и ученых[31]. 6 октября 1942 года нарком НКВД Л. П. Берия направляет, по всей видимости, подготовленное еще в марте 1942 года, вместе со справкой начальника 1-го управления НКВД СССР П. М. Фитина, письмо № 1720/б председателю ГКО СССР И. В. Сталину о работах по использованию атомной энергии в военных целях за рубежом и необходимости организации этой работы в СССР. Он отмечал, что с 1939 года во Франции, Англии, США и Германии развернулась интенсивная научно-исследовательская работа по разработке методов применения урана для взрывных веществ и что эти работы ведутся в условиях большой секретности. В Англии при Военном кабинете создан Комитет по изучению проблем урана во главе с физиком Г. П. Томсоном. Л. П. Берия считал целесообразным проработать вопрос о создании при ГКО СССР научно-совещательного органа из советских ученых, занимающихся вопросами атомной энергии урана, и обеспечить секретное ознакомление с материалами НКВД по урану видных специалистов с целью оценки и соответствующего использования этих материалов. И. В. Сталин разрешил ознакомить видных советских ученых с информацией по атомной проблеме, полученной агентурным путем, для ее оценки. Он предложил, чтобы независимо друг от друга несколько ученых дали заключение по этому вопросу. По проблеме создания в ближайшем будущем атомной бомбы высказались, с одной стороны, академик А. Ф. Иоффе (привлекли к исследованиям по атомной энергии по совету академика В. И. Вернадского) и его молодой ученик профессор И. В. Курчатов, которых ознакомили с материалами разведки, с другой – академик П. Л. Капица (его проинформировали устно о работах по атомной бомбе в США, Англии и Германии)[32]. 27 ноября 1942 года И. В. Курчатов направил В. М. Молотову докладную записку, в которой дал оценку научной информации, полученной разведкой из Англии и США, а также обозначил научные вопросы, подлежащие уточнению через разведывательные органы. В заключение он отмечал, что работы по атомной проблеме в Англии и США продвинулись дальше, чем у нас, но имеющийся материал недостаточен для ответа о возможности создания атомной бомбы, хотя за границей в

[30] Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. I. 1938–1945. Ч. 1. М., 1998. С. 269–271.

[31] Там же. С. 272–274.

[32] Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. I. 1938–1945. Ч. 1. М., 1998. С. 271–272.

этом не сомневаются. И. В. Курчатов писал: «Ввиду того, что возможность введения в войну такого страшного оружия, как урановая бомба, не исключена, представляется необходимым широко развернуть в СССР работы по проблеме урана и привлечь к ее решению наиболее квалифицированные научные и научно-технические силы Советского Союза». И. В. Курчатов предложил привлечь к работе ряд авторитетных ученых, занимающихся урановыми атомными вопросами. Помимо тех ученых, которые уже занимались ураном, он предложил привлечь к работе профессора А. И. Алиханова и его группу, профессоров Ю. Б. Харитона, Я. Б. Зельдовича, И. К. Кикоина, А. П. Александрова и его группу, а также профессора А. И. Шальникова. Для руководства этой сложной и громадной задачей И. В. Курчатов предложил учредить при ГКО СССР под председательством В. М. Молотова специальный комитет с представителями от науки, в котором могли бы быть академики А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица и Н. Н. Семенов[33].

Следующим организационным шагом советского руководства было принятие 27 ноября 1942 года Государственным Комитетом Обороны постановления № 2542сс «О добыче урана». Это основополагающий документ об организации в СССР работ по геологоразведке, добыче и переработке урановых руд. В Комитете по делам геологии при СНК СССР создается специальный отдел радиоактивных элементов, а во Всесоюзном институте минерального сырья – специальный сектор № 6. Данным постановлением ГКО СССР обязал Наркомцветмет организовать к маю 1943 года добычу и переработку урановых руд и получение урановых солей в количестве четырех тонн в год на Табошарском заводе «В» Главредмета; представить заявку на рабочую силу, материалы, оборудование; составить комплексный проект уранового предприятия производительностью 10 тонн урана в солях в год; закончить в 1943 году разведывательные, изыскательские и исследовательские работы по урановым месторождениям Майли-Су и Уйгур-Сай и запроектировать их промышленное использование. Наркомцветмету временно разрешили извлекать на заводе «В» только уран, обеспечив складирование радийсодержащих отходов. Завод «В» был приравнен к строительствам особого значения, и на него распространили действие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 30 января 1941 года «Об увеличении производства молибденового концентрата на предприятиях Наркомцветмета». На Радиевый институт Академии наук СССР возложили, с привлечением двух других институтов (Научного института удобрений и инсектофунгицидов им. Самойлова и Уральского института механической обработки полезных ископаемых), разработку к 1 февраля 1943 года технологической схемы получения урановых концентратов из табошарских руд и переработку их для получения урановых солей. Комитету по делам геологии при СНК СССР предписывалось в 1943 году провести работы по изысканию новых месторождений урановых руд с первым докладом Совнаркому СССР не позже 1 мая 1943 года. Наркомсредмаш обязали выделить Наркомцветмету в ноябре 1942 года для Табошарского завода «В» четыре трехтонных автомашины за счет резерва ГКО[34].

Между тем в Германии в 1942 году продолжалась работа над «Урановым проектом» как в теоретическом, так и в организационном, практическом плане. Везде принимались меры по режиму секретности. К примеру, в середине января 1942 года в Германии в обстановке строжайшей секретности были отпечатаны пропуска в Институт физики имени кайзера Вильгельма для приглашенных на вторую конференцию, посвященную атомной проблеме. Директор каждого института получил по одному экземпляру повестки дня конференции, остальным сотрудникам пришлось дожидаться специально назначенного дня, когда каждый из них мог получить под расписку предназначенную именно ему часть текста, так как для специалиста было бы достаточно ознакомиться только с заголовками отдельных глав документа, чтобы получить представление о том, на каком этапе находилась немецкая научная мысль. Документ вклю-

[33] Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. I. 1938–1945. Ч. 1. М., 1998. С. 276–279.

[34] Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. I. 1938–1945. Ч. 1. М., 1998. С. 275–276.

чал 25 пунктов, перечислявших сложные проблемы, стоявшие перед немецкими физиками, на обсуждение каждой отводилось по пятнадцать минут. Такие термины, как «длина диффузии», «эффективное сечение деления», «конфигурация реактора» и множество прочих ученых терминов, мало говорили неспециалисту, но имели огромное значение для ученых-атомщиков. В конце ноября 1942 года в Германии в Имперское управление вооружений был направлен первый секретный научный отчет группы из Готтова, где проводись эксперименты на реакторе.

Таким образом, к 1941 году в СССР из разных источников были получены первые исчерпывающие документальные материалы о работе на Западе над атомной бомбой. Из Лондона также поступила информация о возможности появления атомного оружия в фашистской Германии. К этому времени советские ученые, также поначалу скептически относившиеся к практическому созданию атомного оружия, приходят к выводу о возможности его создания. Следует отметить и позицию молодого физика Г. Н. Флерова, писавшего И. В. Курчатову, руководству Академии наук, уполномоченному по науке С. В. Кафтанову и вплоть до И. В. Сталина. Были ли отправлены все письма и дошло ли письмо до И. В. Сталина, неизвестно. Подлинники их не обнаружены. Имеются только копии с черновиков. С 1942 года в СССР начинаются практические действия и принимаются основополагающие документы по советскому атомному проекту.

Вопросы обеспечения секретности по атомной тематике на Западе и в СССР во время практических работ по созданию атомной бомбы

В США начинает реализовываться Манхэттенский проект. Создается так называемый Манхэттенский инженерный округ. Его возглавил полковник, а затем генерал, инженерных войск Лесли Гровс. Создается и собственная служба безопасности. В феврале 1942 года Отдел G-2 контрразведки Военного министерства (руководил генерал-майор Дж. В. Стронг), обеспечивавший внутреннюю службу по охране секретности и ФБР (Эдгар Гувер), разграничили сферы деятельности в этой области. Было установлено, что наблюдением за гражданскими лицами, служащими в армии, находящимися в запасе, а также вольнонаемными будет заниматься военная контрразведка. Собственная служба безопасности Манхэттенского проекта первоначально состояла из нескольких офицеров и сотрудников, выполнявших задания по охране секретности и осуществлявших определенную связь с военной контрразведкой. К концу войны штат агентов службы безопасности составлял 485 человек. Руководство службой было поручено майору Лэнсдейлу, подчинявшемуся Дж. Стронгу и Л. Гровсу. Агенты и офицеры в каждой из специализированных групп подчинялись непосредственно Лэнсдейлу. Это делалось для того, чтобы использовать средства военной контрразведки, но при этом избежать опасности разглашения через ее сеть сведений о характере работы. На протяжении всего существования Манхэттенского проекта между его службой безопасности и ФБР существовала самая тесная связь. В каждой лаборатории, на каждом заводе или другом объекте имелся офицер службы безопасности, располагавший необходимым ему количеством подчиненных. Он подчинялся старшему офицеру по безопасности, местному представителю штаба округа и начальнику объекта. Основной задачей службы безопасности было установление контроля за поведением сотрудников проекта, чтобы уменьшить вероятность утечки секретных данных. Основой секретности должна была стать система, которая бы ограничивала информацию каждого сотрудника кругом его непосредственных обязанностей. Каждый должен знать все, что относится к его непосредственной работе, и ничего сверх этого. Как отмечал Л. Гровс, стратегия в области охраны тайны сводилась к трем основным задачам: предотвратить попадание в руки неприятеля любых сведений о американской программе; сделать все возможное, для того чтобы применение бомбы в войне было полностью неожиданным для противника и, насколько это возможно, сохранить в тайне от русских открытия и детали проектов и заводов (это лишний раз доказывает, что Гровс всегда считал Советский Союз врагом номер один, несмотря на то что США были с ним в одной антигитлеровской коалиции. После войны он подтвердил это словами: «Я уже тогда (в 1942 г.) не питал никаких иллюзий относительно того, что Россия является врагом и что проект строится на этой основе».

5 апреля 1942 года ФБР было официально извещено о существовании Манхэттенского проекта. Достигнута договоренность, что охрана Манхэттенского проекта относится к компетенции армии. В декабре 1942 года Комитет по военной политике направляет президенту США отчет, в котором давалась характеристика работ проекта в целом. В отчете указывалось на необходимость более четких инструкций о будущих отношениях с англичанами и канадцами и предлагались на выбор три возможных варианта: 1) запрещение всякого обмена информацией; 2) полная свобода обмена информацией как в области научно-исследовательских работ, так и в области производства с разрешением обмена специалистами; 3) ограниченный обмен информацией в пределах, определяемых возможностями страны, получающей информацию,

ее немедленного использования. В пользу третьего варианта высказывалось большинство. Этот вариант и был утвержден президентом США и составил основу дальнейшего сотрудничества с англичанами.

В США началась реализация этапа промышленного и технологического освоения атомного проекта. Необходимо было создавать промышленную базу, т. е. создавать новое оборудование, строить заводы и лаборатории, инфраструктуру и др. В декабре 1942 года был заключен официальный контракт с компанией М. У. Келло на проведение ею научной разработки, проектирования, обеспечения оборудованием и строительства завода по получению урана-235 с производительностью и степенью обогащения, достаточными для создания бомбы. Для удобства и обеспечения секретности эта компания организовала отдельный специальный филиал «Келлекс», которому и была поручена вся работа по проекту. Между «Келлексом» и Колумбийским университетом установилась тесная связь. «Келлекс» получил от университета основные теоретические данные о процессе и на их основе организовал проектирование промышленного предприятия.

Одними из мер по обеспечению секретности является ограничение и регламентация информации при проведении секретных работ. Регламентировалась информация и с представителями фирм – исполнителями работ атомного проекта. Так, после разговора с представителем фирмы «Дюпон» В. Харрингтоном, первым вице-президентом компании «Дюпон», одного из основного подрядчика работ, Л. Гровс отмечал: «Весь проект хотя и является в высшей степени секретным, им разрешается говорить о нем с любым из служащих их фирмы, честности и осторожности которых они доверяют, однако число этих лиц должно быть минимальным, и их следует предупредить о секретности вопроса». Был составлен список таких лиц в том случае, если их компания не присоединится к Манхэттенскому проекту. К такой процедуре прибегали всегда, когда привлекали к работам по проекту новую организацию. Вначале велись переговоры с одним или двумя ее ответственными представителями. В предварительных беседах сообщалась лишь минимальная информация.

Типичной формой общения между организациями проекта был, к примеру, характер связи лаборатории в Лос-Аламосе с металлургической лабораторией в Чикаго. Так, специальным представителям двух лабораторий было разрешено обмениваться информацией либо в письмах, либо при посещении Чикаго. Объем информации был ограничен сведениями о химических, металлургических и ядерных свойствах делящихся и других материалов. Представителям было разрешено обсуждать вопросы о потребностях в уране-235 и плутонии для экспериментов, но не графики их производства. Им не разрешалось обмениваться информацией о конструкции и работе реакторов, о конструкции оружия. Однако три члена Лос-Аламосской лаборатории были информированы об ожидаемых сроках получения больших количеств этих материалов, чтобы разумно планировать исследовательскую работу, а когда требовалось мнение Оппенгеймера, Л. Гровс делал исключения из правил.

При приеме на работу проводились проверочные мероприятия, для того чтобы убедиться в соответствии квалификации и не было ли в прошлом нанимаемого лица чего-нибудь такого, что могло превратить его в источник опасности и утечки секретной информации. На время, пока производилась проверка личности принимаемого человека, ему поручался несекретный участок работы. При подготовке обслуживающего персонала преднамеренно искажался и смысл будущей работы. Проверка служащих, не имевших доступа к секретным сведениям (водителей грузовиков, работников столовых и тому подобных), ограничивалась полицейской проверкой и сличением отпечатков пальцев. Прошлое тех лиц, которые имели доступ к секретной информации, подвергалось более тщательной проверке. Каждый из сотрудников, допускавшихся в закрытую зону или к данным, относящимся к ней, должен был предварительно заполнить соответствующую анкету. По каждому сомнительному пункту анкеты проводилось самое тщательное расследование. На заводе в Ок-Ридже в начале 1946 года был введен еще

один метод проверки – «детектор лжи». Он применялся в основном к персоналу, имевшему доступ в химический корпус, где получали окончательный продукт, с целью установления кражи урана или осведомленности о такой краже. На первых испытаниях присутствовал сам изобретатель этого прибора, а в дальнейшем помогал один из его помощников.

Из соображений секретности установили особый порядок обращения с чертежами, отчетами и другой документацией. Чертежи расчленялись таким образом, чтобы по ним нельзя было установить общее назначение сооружения. По словам Л. Гровса, благодаря этому удавалось избежать засекречивания многих чертежей, что было особенно важно при их использовании субподрядными фирмами и персоналом на строительной площадке. Особо секретные детали хранились на специальной, строго охраняемой территории в нераспакованном виде вплоть до момента установки. Примеры защиты экономической и технической информации во время реализации Манхэттенского проекта приводит в своих воспоминаниях его глава, Лесли Гровс[35]. Так, для изготовления контактов, проводящих материалов и точных приборов необходимо было большое количество серебра. Его использование в таких размерах могло навести на мысль о проведении определенных работ. Американцы всячески старались скрыть информацию об использовании серебра. Л. Гровс отмечал, что, несмотря на колоссальную стоимость серебра, они стремились ограничиться лишь самыми необходимыми мерами предосторожности и, принимая эти меры, в первую очередь стремились замаскировать сам факт использования серебра… Для этого применялись кодированные коммерческие документы, в качестве адресатов использовался невоенный персонал и т. д. Все сведения устно и письменно передавались в соответствии с установленным порядком обращения с совершенно секретной информацией. Каждое лицо, связанное с этой деятельностью, подвергалось детальной предварительной проверке, и те, кто не прошел ее, не допускались на территорию, где велись работы. Серебро, находившееся в зоне производства, охранялось круглосуточно. Обычный контроль за соблюдением режима секретности осуществляли сотрудники службы безопасности и разведки местного округа инженерных войск. Система учета серебра была очень сложной, так как должна была отражать все этапы превращения 14 тонн серебра в различные изделия с точностью до последней унции. Для организации учета была привлечена одна известная нью-йоркская бухгалтерская фирма, обеспечившая постоянную проверку системы отчетности. Наблюдение за всей операцией по использованию драгметалла велось особой группой сотрудников округа.

В марте 1943 года закрытый пансион для мальчиков в провинциальном городке Лос-Аламос, штат Нью-Мексико, был превращен в строго охраняемый секретный центр для организации разработки и производства атомного оружия в рамках Манхэттенского проекта. Он получил кодовое название «Лагерь Y» или «Участок Y» (Лос-Аламосская лаборатория). Лагерь был изолирован от внешнего мира и располагался в пустынной местности. Его территория была отгорожена проволокой и находилась под специальной охраной, почтовая переписка жителей контролировалась[36]

[35] *Гровс Л.* Теперь об этом можно рассказать / Сокращ. пер. с англ. О. П. Бегучева; предисл. и ред. канд. воен. наук В. В. Ларионова. М.: Атомиздат, 1964.

[36] *Нарыков Д. Н.* Исторический аспект создания в России закрытых административно-территориальных образований // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С. 246–247.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.